

В середине пятидесятых годов после статьи поэта и критика Рэнделла Джэррелла в обиход вошло выражение "век критики", которое он употреблял в негативном смысле. Джэррелл испугался наступления новой эры "мелочного, педантичного, клишеобразного, само-достаточного критицизма, одержимого манией величия". В свое время это определение произвело на меня серьезное впечатление, и я старался не часто высказываться в печати о современных поэтах, исходя из того, что, в любом случае, критик не господин, а, скорее, слуга поэта, а становиться в положение слуги не стоит. Но для некоторых, особенно поразивших меня, я делал исключения. Так, например, серьезной радостью для меня было писать о Иосифе Бродском. Теперь мне хочется сказать пару слов о Григории Марке. Начну с того, что я люблю легенды. А он, в своем роде, легенда. Живет Григорий Марк в Ленинграде, ни в Европе, ни в Штатах никогда не был, книга его чудом вышла здесь, в Нью-Йорке, изданная друзьями, без всяких его просьб и настояний. А он себе, знай, пишет и пишет. И ничего не требует, и не выступает с написанным и не работает локтями, чтобы стать знаменитым, и не обивает пороги ленинградских издательств (все это знаю точно!) Итак, он, как говорят в России, "никуда не лезет". А в наш век, когда все куда-то "лезут" и пробиваются, само это уже почти чудо. Когда мне предложили почитать его книгу, я подумал, что он, может быть, просто "средний человек" и потому так тихо живет. Но я ошибся. Его тихое поведение – результат благотворного подчинения творческой жизни, которая ни для чего суэтного не оставляет места. Поззия Григория Марка не вызвала у меня никаких прямых ассоциаций с современной американской поэзией. Он не обладает той нарочитой усложненностью формы, которая присуща нашей сегодняшней словесной культуре, и по-своему, я бы даже сказал, – прост. В его стихах множество детских элементов и детских же соединений несоединимого: сна и яви, воображаемого и действительного, зверя и человека, как единого целого, как одного Божьего существа. Иногда его рефлексирующий разум целиком растворяется в наив-

ном природном чувстве и, на мой взгляд, это хорошо, потому что наше время склонно убивать в человеке такую наивность и делает это с завидным успехом.

Мне нравится, что его образный диапазон такой свободный и широкий: расширен до лиричности и сужен до обиходной шутливости. Это как сама наша жизнь, где всему: и эпосу, и пародии, и любой ерунде, и самому высокому – есть место. Витрина и помойка, небесное облако и топкая низина. Ленинградский поэт учитывает

наличие и того, и другого, его не страшит изнанка и не подавляет красота. Шестым чувством он понимает, что человек пишущий, творческий, в конце концов, всегда и везде — свой.

В Григории Марке есть большое религиозное чувство, то, что причисляет его стихи к классической традиции Тютчева, Блока, Баратынского. Я не ошибусь, если скажу, что такое здоровое (в его религиозности нет ни капли болезненности!) чувство Бога теперь большая радость, так как современный человек почти не умеет верить без экзальтации и позы. Особенно, если он поэт и его отношения с небом можно выразить на бумаге. А у ленинградца Марка это хорошо и просто так, что сердце сжимается:

*“Ведь с чём я приду к тебе,
Господи мой?
С пучком теорем и стихов
несуразных?”*

Но интересно, что наряду с красивой и естественной религиозностью, в Григории Марке вдруг просыпается человек природный, стихийный и чувственный, как язычник, страстный и неспокойный человек, которому изнанка жизни, ее необлагороженная духом плоть важна и понятна; он умеет осязать ее запахи, знает ее притягательность для нас, живых и слабых людей:

“Электрическим светом струятся
чулки,
Набухают могучие икры в нейлоне,

**Шевелятся под платьем живые
соски.**

**Словно ищут настойчиво чьих-то
ладоней."**

Я всегда любил появление в творчестве фантастической действительности. Может быть, потому что сам я, во всяком случае пока, реалист в своей прозе, чужие фантасмагории, чужие чудачества нравятся мне чрезвычайно. На этом стоял Гоголь, это было основой страдальческого видения Достоевского, этим сильны и авторы нашего века, такие как Ионеско, Маркес, Кафка, Набоков. Григорий Марк живет, очевидно, в каком-то бессознательном ожидании чуда, и может быть, потому, что он так одинок, в его мире легко происходит столкновение с призраками и фантастической реальностью. Он хорошо чувствует непрочность нашей действительности и от этого так легко ломает привычные рамки. Ведь существование человека единокого в каком-то смысле тоже призрачно. Он замкнут на себе, весь его мир целиком сосредоточен в нем самом, и в этом мире кто угодно может появиться и все, что угодно, может произойти. В России был хороший поэт Некрасов, но людям, которые будут жить в двадцать первом веке, его стихи, скорее всего, покажутся интересны не с художественной, а с исторической точки зрения. Историчность наполовину "зарубила" поэзию. Григорий Марк наделен в этом смысле большим тактом. Он не аполитичен и не асоциален, но его политическое острие не пропарывает насквозь всей остальной жизни, хотя хорошие стихи на политическую тему существуют:

**"В Кремле – интриги.
Вождь-импровизатор
Шинкует разноцветные слова.
От митингов народных депутатов
У населения пухнет голова."**

Поэт перечисляет то, чем полна жизнь, интерпретирует это, но не "вливается" в политический материал, как пчела в цветок, а "улетает" в другие пределы, понимая, что мир велик и не вся соль в России, и не вся мудрость в том, чтобы ответить на ее сегодняшние вопросы.